

ВСЁ ВРЕМЯ ДУМАЮ О ТОМ...

Динара Мамедова,

Самарская обл., ГБОУ СОШ п.г.т. Петра Дуброва

Как я умудрилась так нелепо сломать руку? Сама не знаю. Боль была сильной, еле дошла до больницы, где меня решили оставить на недельку-другую. И вот она я: с гипсом на руке, в халатике и тапочках разгуливаю по дворику перед больницей.

Люблю заходить в небольшую посадку берез, садиться на лавочку и размышлять... О чем? О многом мечтает девчонка в шестнадцать лет. О скорой выписке, о легких экзаменах, о подружках, о любви...

Со мной в палате лежат еще четыре девушки, но наше общение как-то сразу не задалось. День и ночь они болтают о мальчишках или сидят, уткнувшись в гаджеты. Ну и ладно, мне и одной хорошо. К тому же август стоит чудный: теплый-теплый, порой дует свежий ветерок, облачно — лучшая погода для меня. Хожу, люблюсь, думаю...

Больница состоит из четырех корпусов. Все здания одинаковые, четырехэтажные. Вот корпус номер два. Ничего интересного. Пойду дальше. Корпус номер три. Ничего...

Девчонка! На подоконнике второго этажа сидела девочка в голубом платочке. Почему она в платке? Почему так грустна? Что читает? Меня как-то сразу зацепила эта встреча, гулять больше не хотелось.

В руках незнакомка держала книгу Бориса Васильева «А зори здесь тихие...». Тут же позвонила маме и попросила принести томик писателя. Уже в первые минуты чтения на глазах появились тихие слезы.

Девчонки военных лет, вы звали меня за собой, заставляли что-то делать...

И вот утром снова спешу к третьему корпусу. Зачем? Пока не знаю. В окне никого не видно. Поднялась на второй этаж. Вот и палата. Стучусь.

В дверях показалась та самая девочка в голубом платочке. Она была очень бледна.

— Привет, — в голове только сейчас беспокойно закрутилась мысль о том, что повода для моего появления тут нет. Но незнакомка открыла шире дверь, как бы приглашая войти в палату.

— Знаю, что ты не ждала меня, но я вчера увидела тебя с книгой у окна и решила, что мы можем познакомиться.

— Жанна. Я и правда не ожидала, — ее голос был тихим и немного хриловатым.

В ходе разговора узнала, что второй этаж третьего корпуса занимает онкологическое отделение. Вот и стало понятно, зачем ей голубой платок. Рассказала Жанне, что я в гипсе из-за того, что, заснув на стуле, неудачно упала на руку. Мы посмеялись. Отметила, что девочка смеялась только губами. Глаза оставались серьезны.

— Кстати, книгу Васильева я тоже начала читать.

— А я дочитала вчера, — сказала Жанна.

Мы снова помолчали. Вдруг она заговорила быстро-быстро:

— А ведь тут он, тот далекий разъезд! — Жанна хлопнула по кровати, на которой сидела. — Тут тихо сейчас, но в любой момент смерть подойти может. «Все в ней вдруг запеклось и потому не болело и не кровоточило». Это не только про Женю Комелькову написал Васильев. Это про меня. Мне два-три месяца осталось...

Теперь побледнела я. Девочке в голубом платке осталось два-три месяца. Ей всего пятнадцать.

А в глазах все сорок. Она не плакала. Лишь сухо отрезала: «Не жалеё». Криво улыбнулась.

— Война сейчас здесь! — Жанна ударила себя в грудь. — Фрицев — шестнадцать, а меня — пять.

— Перестань. Девчонки ведь, несмотря на гибель, выполнили миссию! — мне становилось все по себе. Моя новая знакомая быстро поняла это.

— А кто тебе из них ближе всего? — вдруг спросила она. Я не успела ответить, так как вошла медсестра, вопросительно посмотрела и спросила:

— Это твоя подруга?

— Друг, — коротко сказала Жанна.

— Сейчас у нас дела, встретитесь завтра.

Вечером долго-долго не могла заснуть, перечитала ставшие уже такими любимыми «А зори здесь тихие...», думала о том, кто же мне ближе из героинь Васильева. Хотелось поговорить с Жанной. Какая-то ниточка уже связывала нас.

Почему меня так заинтересовала эта девчонка? Сколько их, онкологических больных? Я не могу найти ответы на нахлынувшие вопросы, знаю лишь одно: «Хватит тех, что погибли. По горло хватит, до конца жизни».

Проснулась очень рано и заторопилась к Жанне. Теперь все делала в спешке. Будто боялась опоздать.

— Женька Комелькова, — выдохнула я, вбегая в палату. Жанна лежала на кровати лицом к окну. Сегодня на ее голове был другой платок. Девочка повернулась, и я пожалела, что пришла так рано. Сонное лицо было совсем детское и очень-очень усталое.

— Женька Комелькова нравится больше всех, — повторила я. — Женька ничего не боялась, и я не боюсь. Она до последнего боролась, она герой. И ты борись, Жанна, борись. Не время руки опускать. Даже немцы Женькой восхитились: «...долго смотрели на ее и после смерти гордое и прекрасное лицо...»

Пока говорила, девочка поправила свой платок и села на кровати, устремив на меня тревожный взгляд голубых глаз.

— А мне ближе Лиза Бричкина, — медленно заговорила Жанна. — Она не прикрывала

грудью товарищей, но до последнего бежала, ползла за помощью. «И осталась от нее только армейская юбка. А больше ничего не осталось, даже надежд, что помощь придет». Помнишь, у Васильева было написано: «Каждое утро ее обжигало нетерпеливое предчувствие ослепительного счастья». И меня обжигает. Лиза «... до последнего мгновения верила, что это завтра будет и для нее...» И я борюсь, верю и жду. Но мне слегка нужна. Без нее засосет это страшное болото болезни. Я не Комелькова, я боюсь.

В тот день Жанна была слаба. Мы разговаривали с ней около часа. Потом пришли родители девочки, и я ушла к себе на лавочку, чтобы побыть одной, подумать. Возле меня кружились пожелтевшие листки, приближалась дождливая осень, тихо катились слезы. Теперь все чаще и чаще они появлялись на глазах. И я не Комелькова, мне тоже страшно, но не признаюсь этой такой родной уже девчонке. И ходить буду каждый день. Слегкой ее стану. Вспоминаю строки из книги: «Всей тяжестью налегая на шесты, девушки с трудом вытягивали ноги из засасывающей холодной топи». Буду помогать, как смогу, своему новому другу.

С нетерпением жду завтрашнего дня. Боюсь опоздать. Моя слегка этой девочке просто необходима.

Утро. Бегу к Жанне. Мы долго говорим, порой переходя на шепот и дрожащий голос. Но не плачем, будто сговорились заранее.

У Жанны на голове зеленый платок. Мама меняла их после каждой химиотерапии. Недавно была четвертая...

В тот день меня должны были выписать где-то в полдень. Скоро буду дома. Соскучилась по близким. Я чувствовала себя в этот момент Ритой Осяниной, которая больше всего любила свои возвращения в часть ранним утром.

Много размышляю после каждой встречи с Жанной. Ведь она, читая Васильева, будто умирала с героинями писателя. Нельзя ей умирать. Силы беречь нужно. «... шла война, раскладывая на континентах гигантский пасьянс из человеческих жизней», — пишет Борис Львович. И эта война была в ней самой. В Жанне...

Я обещала, что буду приходить каждый день. Понимала: нельзя ни дня пропустить, вдруг

она вместо слезы возьмет тоненькую палку или, как Лиза, совсем забудет о ней. Так хотелось, чтоб сбылись слова Васкова: «После споем с тобой, Лизавета. Вот выполним боевой приказ и споем». Хорошо бы и мне спеть с Жанной.

Дорога в больницу стала ежедневной. Мы много разговаривали. Я заметила, что книга Бориса Васильева по-прежнему лежит у нее на тумбочке.

Жанна сильно похудела. Мне запрещали ходить к ней каждый день, потому что девочка должна больше отдыхать. Я злилась на врачей, которые ничего не понимали. Моя Лиза без меня, без слезы, одна не пройдет. Крутились в голове, не давали покоя строки из книги: «... все время думала о том, что было куда важнее, чем она сама».

Конец ноября. Сегодня я мгновенно выбежала из палаты на крыльцо. Снежинки тихо падали на мои плечи. Кружились, кружились... Первый снег. Опустилась на ступеньку. Вспомнила слова Васкова: «Выходит, что проиграл он вчера свою войну». И я проиграла... Ее больше нет...

У Васильева есть строки: «Бывает горе — что косматая медведица: навалится, рвет, терзает — света не взвидишь». Душила боль, медленно разъедала изнутри. И никуда от нее было не деться. Я крепче сжимала голубой платок и книжку — все, что у меня осталось от Жанны. В книге была закладка. Открываю, перечитываю подчеркнутые строки: «И такое чувство у него было, словно именно за его спиной вся Россия сошлась, словно именно он, Федот Евграфыч Васков, был сейчас ее последним сыном и защитником. И не было во всем мире больше никого: лишь он, враг да Россия».

Только девчат еще слушал каким-то третьим ухом: бьют еще винтовочки или нет. Бьют — значит, живы. Значит, держат еще свой фронт, свою Россию. Держат!...» И я буду держать в руках книгу талантливого автора. А потом, когда боль утраты хоть чуть-чуть притушится, снова приду сюда: в коридоре больницы на днях встретилась с тревожными глазами еще одной что-то читающей девочки. Вспомнилось: «Значит, и у тебя личный счет имеется». Да, имеется!..

Начинаю рыдать, размазывая обжигающие слезы по лицу. Сегодня можно, сегодня слезы не тихие. Нет больше закона «не плакать»...

«А самое главное, что могла нарожать Соня ребяташек, а те бы внуков и правнуков, а теперь не будет этой ниточки, маленькой ниточки в бесконечной пряже человечества, перерезанной ножом...», — эта мысль Васкова постоянно вертится в моей голове.

Еще «... ему чудилось в этом белесом мареве его девчата, все пятеро, и он все время шептал что-то и горестно качал головой». Я плачу и плачу, тоже качая головой... Губы шепчут: «Жанна!..»

Спасибо, друг! Спасибо за встречу с тобой, за то, что заставила так о многом задуматься.

Лежит на письменном столе книга, раскрытая на последней странице: «А зори-то здесь тихие, только сегодня разглядел. И чистые-чистые, как слезы...».

Мы, сегодняшние, многому учимся у героинь Васильева. Рита Осянина, Женька Комелькова, Лиза Бричкина, Галя Четвертак, Соня Гурвич — вы помогаете мне становиться Человеком.

Спасибо Вам, Борис Львович, за удивительные книги. Особенно — за мою любимую «А зори здесь тихие...».

Пятьдесят лет тому назад на всю страну прозвучал негромкий голос писателя, заговорившего о безвестных девчонках, погибших в карельских лесах.

Повесть Васильева — пронзительная правда о войне, о юных героинях, погибших без высоких слов. Ни у одной из них ни на секунду не мелькнула мысль о том, нужно ли было жертвовать своей жизнью в лесной глухомани.

Читая, чувствуешь постоянное дыхание вечных вопросов. Что такое подлинная человечность? Как остаться человеком в жестоких обстоятельствах беспощадного и циничного мира?

Борис Васильев скуп на слова; в самые трагические последние минуты он пишет, стиснув зубы, а мы чувствуем комок в горле...

Обостренная совесть героев писателя ведет нас за собой, заставляя помнить слова: «...все время думала о том, что было куда важнее, чем она сама». **НО**